

Архимандрит Августин (Никитин)

РОССИЯ И СОРБОННА

В статье приводятся сведения русских послов, дипломатов, видных государственных и общественных деятелей о Парижском университете — Сорбонне — как крупном центре богословских и светских наук. Уделено внимание вопросу объединения Православной и Римо-Католической Церквей, который был поднят во время поездки императора Петра I во Францию богословами Сорбонны. Рассматривается попытка реализации проекта объединения Церквей, причины его неприятия как со стороны Петра I и Феофана Прокоповича, так и в позднейший период русской истории.

Ключевые слова: Сорбонна, Санкт-Петербург, Церковь, Православие, католичество, объединение Церквей, император Петр I, Феофан Прокопович, Стефан Яворский, А.А. Матвеев.

Страницы истории

Становление русско-французских церковных связей началось еще в домонгольскую эпоху. Заслуга в этом принадлежит дочери св. равноапостольного князя Владимира Анне, в 1049 г. вышедшей замуж за французского короля Генриха I¹.

После татаро-монгольского нашествия на Киевскую Русь в середине XIII в. связи с Францией были надолго прерваны. Они возобновились лишь в XVII в. — при короле Людовике XIII (1610–1643). Но сведения о религиозной жизни Франции доходили до Руси и гораздо раньше этого времени, чему немало способствовала деятельность прп. Максима Грека, уроженца города Арта, происходившего из известного греческого рода Триволисов. Свое детство и юность Максим провел в Греции, потом несколько лет пробыл в Италии, поступив в доминиканский монастырь св. Марка. По возвращении на родину он постригся в монахи в одном из афонских монастырей, откуда по приглашению московского правительства прибыл в Москву в 1518 г. для перевода богослужебных книг с греческого на русский язык.

Прожив большую часть жизни в России, Максим Грек оставил большое литературное наследие; в его произведениях встречаются ценные сведения о духовной жизни западноевропейских стран, в том числе и Франции.

Архимандрит Августин (Никитин) — кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии.

¹См.: *Августин (Никитин), архим.* Из истории русско-французских церковных связей // Символ. 1989. № 21. С. 179–180.

В своем обзоре «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительстве»², написанном в первые годы пребывания в России, прп. Максим освещает историю возникновения одного из католических монашеских орденов, пишет о его строгом уставе, организации монастырей и их быте³. Высоко оценивая правила обителей, он пишет: «Чином сим предобрейше строятся яже у них честные обители о всяком благочинии и благоговенстве иноческом, союзом священныя любви содержи ми же и утверждаеми»⁴.

Отметив высокий духовный уровень членов этого ордена, прп. Максим рекомендует русским церковным властям перенять лучшие черты монашеского устава этих обителей: «Такоже подобаше и у нас православных строитися яже о нас иноцех и богоносных отец соборы избиратися игуменом священныя монастырей, а не дары сребра и злата приносимыми народным писарем игуменския власти искати хотящему»⁵.

В связи с историей возникновения этого ордена прп. Максим сообщает сведения о Париже, где, по его словам, подвизался «некий муж мног во всякой премудрости внешней и еже по нас священном богослужении учитель великий», чьими учениками был основан впоследствии этот орден. «Паризия, — пишет Максим Грек, — град есть нарочит и многочисловечен в Галлиех, яже ныне глаголются Франза, держава велия и преславна и богатящи бесчисленными благами, их же первое и изрядное есть, еже от философских и богословских догматех, наказание же и тщание туне подаема всем вкупе рачителем сицевых изрядных учений»⁶.

Одной из наиболее замечательных сторон жизни Парижа являлось распространение в нем «словесного художества», «богословия и философии священной». Для того, чтобы постигнуть их, в Париж, по словам Максима Грека, собираются отовсюду, из западных и северных стран, не только сыновья «простейших человек», но и лица «боярского и княжеского сана», «их же кождо время довольно во учениях прилежно упразднився возвращается во свою страну, преполон всякие премудрости и разума, и есть сицевый украшение и похвала своему отечеству»⁷. Нет сомнения, что, говоря о нахождении

²Максим Грек, прп. Сочинения. Ч. 3. Казань, 1862. С. 180–194.

³Там же. С. 181–187. По мнению Н.А. Казаковой, у Максима Грека здесь речь идет об ордене картезианцев (Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980. С. 128).

⁴Максим Грек, прп. Сочинения. Ч. 3. С. 187.

⁵Там же.

⁶Там же. С. 179.

⁷Там же. С. 180.

в Париже крупного центра богословских и светских наук, прп. Максим имел в виду знаменитый Парижский университет⁸.

Этот университет был основан, по одной версии, в середине XII в. и состоял из нескольких школ вокруг строящегося собора Парижской Богоматери. Другая версия настаивает на его более позднем возникновении: в 1253 г. теолог и духовник св. Людовика (1226–1270) — Робер де Сорбон (Robert de Sorbon, 1202–1274) основал богословский коллеж и общежитие для преподавателей и неимущих студентов. В 1554 г. коллеж Maison de Sorbonne был преобразован в теологический факультет Парижского университета, а последний, в свою очередь, стал называться Сорбонной.

В 1667 г. во Францию прибыло русское посольство — с намерением заключить русско-французский союз против турок. Глава посольства Петр Иванович Потемкин писал царю Алексею Михайловичу о том, что «во французском государстве вера католическая, под паствою папы римского. <...> Из иных государств во французскую землю, в город Парис и в иные города, приезжают для науки философской и для учения разного строя королевичи и великородные, и всяких чинов люди. Потому что город Парис великий и многолюдный и богатый, и школ в нем безмерно много: студентов в Парисе бывает тысяч по тридцати и больше»⁹.

В.О. Ключевский упоминает об одном таком студенте, переселившемся потом в Россию еще при царе Михаиле Федоровиче (1613–1645). Речь идет о некоем протестанте, «лютеранине», который «прошел все науки, много лет учился в славной Парижской академии», знал много языков, обучился изрядно и славянскому. В России он принял православие, постригся в монахи [с именем Вавила], при патриархе Никоне стал за старую веру»¹⁰, т.е. ушел в старообрядческий раскол.

Посольство А.А. Матвеева

Более подробные сведения о Сорбонне содержатся в записках русского посла А.А. Матвеева, жившего в Париже в 1705–1706 гг. В разделе «О всенародных училищах во Франции» А.А. Матвеев высоко оценивает общий уровень университетского образования: «В парижском городе гораздо

⁸См.: Казакова Н.А. Западная Европа в русской... С. 128.

⁹Цит. по: Статейный список посольства стольника и наместника Боровского, Петра Ивановича Потемкина во Францию, в 1715 (1667) году // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. 4. М., 1788. С. 562.

¹⁰Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII в. // Вопросы философии и психологии. 1897. Сентябрь-октябрь. С. 787.

славные училища всенародные из всего французского королевства находятся теологии, то есть богословии, прав народных, врачества и розных свободных наук, которые по-французски называются университете»¹¹.

В этом перечне русский посол в первую очередь выделяет богословие и заслуги в его развитии он справедливо усваивает Петру Ломбардскому (Pierre Lombard, ок. 1100–1160) и Фоме Аквинскому (Thomas d'Aquino, 1225–1274): «Возстановление богословия всегда zelo цело, особливо же в время Петра Ломбарда, епископа парижского, умершего 1164-го году, и во время святого Фомы, вельми мужей ученых»¹².

В записках Матвеева кратко излагается история Сорбонны: «Из тех великим есть в Париже домом и преславным всенародное училище Сорбонны, которое себе имя предприяло от Роберта из Сорбонны, от духовника короля Людовика святого, которой духовник сей основанием был там богословии сего училища, и он дал тот дом 1254-го году, — сообщает русский посол. — Потом сей меньшаго тогда бывшего строения дом преимущественный господин кардинал Ришелье, яко первый короля Людовика XIII-го министр, великим изживением обнови в славное произвел здание, которое ныне видится»¹³.

Имя Ришелье тесно связано с Сорбонной. Он приказал привести в порядок и частично обновить здания университета. Старое здание Сорбонны было перестроено при кардинале Ришелье по планам Ж. Лемерсье (Jacques Lemercier, ок. 1585–1654). На сегодня от старых зданий XIII в. не сохранилось ничего, а от Сорбонны времен кардинала Ришелье — только церковь и гробница кардинала.

Общие очертания комплекса угадываются и сегодня по булыжной мостовой внутреннего двора. На южной стороне этого двора, в который можно попасть со стороны Rue de la Sorbonne, находится созданная в первой половине XVII в. по повелению кардинала Ришелье капелла св. Урсулы Сорбоннской.

Капелла, в которой похоронен Ришелье, построена в 1635–1653 гг. Статуя на могиле изваяна в 1694 г. Ф. Жирардоном. Вот что пишет об этой капелле Матвеев: «Особливо же великую церковь архитектуры итальянской, в которой близ алтаря из мрамора находится его преимущества особа нецененным художеством изваянно изсеченная, где его есть погребено тело, на котором гробе есть сия последующая подпись по-французски и в сей

¹¹Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1973. С. 210.

¹²Там же.

¹³Там же.

эпителие, или в сокращении, состоящем»¹⁴. Далее русский посол приводит текст этой надписи в русском переводе. Она довольно пространная, но имеет смысл привести ее полностью, ведь у этой гробницы бывали знаменитые россияне: Петр I, В.К. Третьяковский, Н.М. Карамзин и многие другие.

«Здесь упокоивается велики Арманд Иоанн дю Плесси, кардинал де Ришелью, дук и ровной Франции, велик в благородии, велик в разуме, велик в мудрости, велик в ведении, велик в мужестве, велик в щастии, но паче велик еще в благочестии. Сей понес славу своего принца, везде он носил свое оружие, он вознес свои оружия блиско по всей Европе. Он учинил возтрепетать всех королей, и там мало было б престолов, где он не зделал возвышену быть своему государю, естли бы истинна не предводила те его намерения. Изящное его имя положило ужас в душу всех неприятелей державы его, и тот положит еще в ту всех тех снизходящих, если б ищислялися дни чрез победы его и лета его чрез триумфы. Потомство верило б, что он жил бы многая веки, и его история не будет опасаться ничего, как самой ее, которая есть вся наполнена чудес и див, будет иметь труд увещать дальняя веки, то что наш увидел с удивлением, како он был всегда праведен. Он был непобедим, неприятели его не имели николи иного прибытку, разве он один превозвышал себя чрез него, и как он был безконечно премудр, безконечно благополучен. Величие его превосхождении оправдало истинство намерении его, прилежность его не может быть придускорительна, ни бодрость его прельщенна, ни его предусмотрение обольщено. Он николи же своих друзей не опускал, и неприятели тем же уверялися словом его, хотя если б имели место во обстоянии, ничто не супротив стояло силе велеречия его, благодать и величество были над его челом, в его стати и в его исправлениях. Его ласковости изображали почтение, его слова обязовали сердца, и его руки свободныя не оставляли заслуг без воздаяния. Он низверг ересь и веру ея плененную Рошельсии, тот гордой город, которой вменялся непобежден быть, чрез свое покорение больши как 200 мест, которыя отлучилися прежде от долгаго времени власти королевской, победитель и внутрь он понес отвне силы короля своего. Столько от городов завоеванных Пингероля, Аррас, Бризака, Монака, Перпиньяна и Седена, которыя есть начальными. Слава его трудов благочестия для исправления и для совершенства христиан и для обращения еретиков превозходна еще тех его завоеваний и сил его разума, согласуя в нем нечто сугубаго, который видятся несоюзны. Вера и держава, он возходил всегда ряд того же в проходы одной и другой. Он был оборонителем целомудрия в едении и добрых наук, на остаток его молва была без прикос-

¹⁴Там же.

новенна и он долженствует поистинне назваться исполин последних веков. Может сказаться наипаче, что смерть его была достойна его жизни, как он получил великия без них суши содержан, и он их разрешил без труда и видел состояние своего размеру с радостию, понеже он усмотрел то из корон безсмертных. Он умер, как он жил, велик, непобедим, хвален, и с последней чести оплакан от своего короля и к своему вечному благовременству он умре смиренно христиански и свято.

Кто каков бы ты ни был еси, ты не имеши стражи отрицися твоих молитв от такова великаго мужа, но в прощении воспомани сего, что тебе отдает сие благочестия должность и сему кто чрез сии вельможныя здания преславныя Сорбоны оставил един гроб великой его благочестия. Сей велики кардинал умре в Париже декабря в 4 день 1642-го году, жизни своей 57 лет 3-х месяцев и одного дни»¹⁵.

В записках А.А. Матвеева отсутствует описание сорбоннской капеллы, и русский посол объясняет причину этого: «Церкви той сорбонской здание подробну описуется в книге описания о городе Париже, напечатаной по-французски 1706-го году, для того в пространство тех особенностей вникать не поревала никакая потреба и те описывать»¹⁶.

Восполнить этот пробел поможет Н.М. Карамзин, побывавший у гробницы кардинала Ришелье в мае 1790 г. «В Сорбонскую церковь ходят все удивляться искусству ваятеля Жирардона, — пишет русский путешественник. — На монументе, в древнем вкусе, представлен кардинал Ришелье; умирая в объятиях Религии, он кладет правую руку на сердце, а левой держит духовные свои творения. Наука, в виде молодой женщины, рыдает у ног его. Говорят, что Петр Великий, смотря на сей памятник, сказал внуку кардинала, герцогу Ришелье: “Твой дед был величайший из министров; я отдал бы половину своего государства за то, чтобы научили меня править другою, как он правил Францией”»¹⁷.

А.А. Матвеев со свитой посетил «учебный корпус» Сорбонны, что и было отражено в его записках: «Сие Сорбоны здание есть великое в трех ярусах полате слученно, то есть из нижних средних и верхних, где учителя богословии пребывают. Особливо же в нижних полатах великаго пространства есть салы, или каморы, где те учителя сходятся по вся дни непременно для исправления своих дел и для чтения и слушания в богословии»¹⁸.

¹⁵ Там же. С. 210–212.

¹⁶ Там же. С. 212.

¹⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника: Париж, май 1790 г. Л., 1984. С. 281.

¹⁸ Русский дипломат во Франции... С. 212.

В записках русского посла излагается «Состояние сорбонских учителей»: это и учебная структура, и богословские диспуты, и повседневный быт студентов и наставников¹⁹. Особый интерес представляет рассказ одного из членов посольства о присутствии А.А. Матвеева на диспуте сорбонских богословов, о посещении капеллы и библиотеки. «В приезд свой в Париж его превосходительство господин посол при первом случае инкогнито сие собрание видел. В то время в сале учитель собрания их изъяснил догматы богословии обличительныя на ересь несторию в сильных терминах по латине, но за выговором мягкаго наречия французскаго не токая светлость латины изображалася, как инья народы, особливо же северный тот латинской язык краснословят. То собрание находилоя в глубоком молчании во все время науки той, которую их один из начальствующих учителей на катедре отправлял до самого розпуску.

Потом господин посол видел церковь и монумент, или место учрежденное гроба в ней, господина кардинала Ришелью, где его подобие как живо от изрядных художников из белаго мормора изсечено, предающа дух свой Богу. Та церковь значит, что по образцу в Риме церкви пантеонской зделана.

Оттуды ходил он, посол, видеть библиотеку в долгой сале, которая есть премножеством исполнение книг еврейских, греческих, латинских и французских, особливо же древних зело рукописанных харатейных, как богослов розных восточных и западных, так и философов, и историков многоименитых гораздо давных и редких, которых число около 8000 значитя. В той библиотеке над комином поставлен есть партрет, или персона живописная стоячая, преимущественнаго господина кардинала Ришелью во всем его алаго цвету кардинальском уборе, зело изрядно написана, и подобие его быть в том всесовершенно подтверждаетя.²⁰

Визит во Францию Петра I

Посольство А.А. Матвеева было своего рода попыткой подготовить приезд во Францию Петра I. Русский царь-реформатор всегда мечтал побывать во Франции, игравшей ключевую роль в европейской политической и культурной жизни конца XVII–начала XVIII вв. Он намеревался это сделать еще в ходе своего первого заграничного путешествия по странам Западной Европы в 1697–1698 гг., но тогда намерению царя воспротивился сам

¹⁹См. приложение в конце статьи.

²⁰Там же. С. 213–214.

Король-солнце, сославшийся на старческую немощь, а по существу отказавшийся впустить Петра I во Францию. Столь нелюбезное поведение изысканного версальского двора по отношению к самодержцу всероссийскому объяснялось его крайним недовольством динамичной внешней политикой Москвы, в частности в Польше, где на выборах короля в 1697 г. победу над принцем де Конти одержал союзник царя саксонский курфюрст Август. Не радовали Версаль и первые успехи России на пути продвижения к Черному морю (взятие Азова в 1696 г.), что ставило под угрозу давнюю союзницу Франции — Оттоманскую Порту.

Между тем царь не оставлял надежд побывать во Франции и попытаться найти с ней общий язык, тем более что в 1715 г. умер Людовик XIV, его давний недоброжелатель. У Петра были основания полагать, что регент Филипп Орлеанский не повторит нелюбезного обхождения с ним покойного короля. Настойчивый интерес царя к Франции объяснялся, прежде всего, ее привилегированными отношениями со Швецией и возможностью Версаля повлиять на Карла XII с целью окончания затянувшейся Северной войны. После серии блестящих побед русского оружия над шведами идея французского посредничества в прекращении войны не была чужда и самой версальской дипломатии, не желавшей полного и сокрушительного разгрома своего шведского союзника²¹.

В 1715 г. в Париж был послан дьяк Зотов, бывший учитель Петра. (В начале 20-х гг. XX в. в Париже продавались его «Тетради», но кто их приобрел — неизвестно.)

В «Истории Петра» А.С. Пушкин упоминает про Сорбонну под 1718 годом, перечисляя повседневные деяния царя. «Петр не прерывал обыкновенных своих занятий, — пишет русский писатель. — 15 июня спускал корабль и рассматривал ответ наших архиереев на представление Сорбоннской академии»²²

Некоторые сведения о связях Сорбонны с Россией можно почерпнуть из перечня литературы по эпохе Петра I, составленного для Пушкина бароном М.А. Корфом. Посылая этот список в письме от 13 октября 1836 года, лицейский товарищ поэта замечает: «Это одна голая, сухая библиография,

²¹ Черкасов П. Петр Великий во Франции (май – июнь 1717 г.) // Русская мысль. 1–7.05.1997. № 4172. С. 17.

²² Пушкин А.С. История Петра // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937. Т. X. М., 1938. С. 246.

<...> в этой выборке нет системы, ни даже хронологического порядка: я выписывал заглавия книг так, как находил их в своих заметках»²³.

В числе книг, имевших отношение к Сорбонне, Модест Андреевич поместил два наименования: 1) *Curioses Schreiben der Sorbonne an den Czaaren*. 1719; 2) *Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis* (J.-F. Buddaeus). Jena, 1719. По поводу указанных трактатов М.А. Корф замечает:

«Это разбор представления, сделанного в 1717 г. Сорбонною Петру В. о примирении Восточной Церкви с Западною.

Ответ Греко-Российской Церкви на предложение Парижской Сорбоннской Церкви (Феофана Прокоповича), напечатан в “Журнале Петра В.”, издан в 1770 г. и в III ч. проповедей Стефана Яворского»²⁴.

Каких-либо дополнительных пояснений в отношении Сорбонны в списке, составленном М.А. Корфом, не содержится, а между тем речь идет об одном из самых интересных эпизодов в истории взаимоотношений Русской Православной и Римско-Католической Церквей...

В «Истории Петра» А.С. Пушкин прослеживает путь русского царя из Голландии во Францию, где и состоялась его встреча с парижскими богословами. В свите Петра находилось несколько его ближайших сподвижников; среди них был князь Борис Иванович Куракин. Будучи поверенным лицом царя, князь Б.И. Куракин уже имел опыт общения с Римской курией. В «Истории Петра» А.С. Пушкин упоминает об этом: «1707 год. К папе Клименту XI отправил Петр кн. Бориса Куракина»²⁵. Вот еще одна сходная запись: «К папе послом назначен голландский наш министр кн. Борис Куракин»²⁶.

Прибыв в Голландию, Петр I рассчитывал на содействие Куракина, который уже в течение нескольких лет находился там как «министр Петра в Гаге»²⁷, — пишет Пушкин, а несколько выше у него читаем: «17 октября (1711 г.) Петр отправил Куракина в Голландию»²⁸. Встреча царя с послом произошла 2 декабря 1716 г., когда Петр прибыл в Амерсфорт, где встретил его кн. Куракин²⁹. В этом голландском городке царь задержался ненадолго и 6 декабря «прибыл в Амстердам, куда на другой день приехала и свита его»³⁰, — пишет Пушкин, упоминая наряду с Куракиным князя Васи-

²³ Там же. С. 489.

²⁴ Там же. С. 472.

²⁵ Там же. С. 110.

²⁶ Там же. С. 103.

²⁷ Там же. С. 198.

²⁸ Там же. С. 173.

²⁹ Там же. С. 229.

³⁰ Там же.

лия Долгорукого и барона Шафирова. 8 декабря Петр был уже в Гааге, «где остановился у Куракина»³¹.

В Голландии Петр I пробыл почти 4 месяца и лишь в конце марта следующего, 1717 года покинул эту гостеприимную страну. Вот что пишет об этом Пушкин: «24 марта из Роттердама, отправив Екатерину в Гагу, сам на яхте поехал Петр во Францию. При нем находились: Толстой, князь Куракин, Шафиров, князь Василий Долгорукий, Иван Бутурлин, генерал-поручики: генерал-адъютант Ягужинский, кабинетные секретари Макаров и Черкасов, лейб-медик Арескин, духовник и проч. и команда гренадер»³². А еще через месяц, 26 апреля, «вечером в 10 часов Петр приехал в Париж»³³.

Знакомство русского царя с церковной жизнью Франции не ограничилось лишь беглым осмотром храмов, монастырей и реликвий. Петр I принял участие в обсуждении богословских вопросов. Во время своего пребывания в Париже Петр 14 июня (н. ст.) посетил Сорбонну; при входе он увидел статую кардинала Ришелье, влиятельного политического деятеля, который с 1624 г. фактически распоряжался всеми государственными делами. Именно тогда он, по словам потомка кардинала, Г. Ришелье, и произнес упомянутую выше фразу: «Великий человек! я отдал бы половину царства моего гению, подобному тебе, чтобы он помог мне управлять другою»³⁴.

При встрече с сорбоннскими богословами Петру I были показаны церковь и библиотека; он осмотрел также гробницу кардинала Ришелье. В библиотеке Петр I заинтересовался хранившимися там вероучительными книгами на славянском языке. Сопровождавший Петра I член совета Сорбонны Бурсье высказал ему идею о соединении Церквей Востока и Запада, прося русского царя, «чтобы он, по совершении многих славных дел, удивляющих Европу, славу свою еще больше распространил споспешествованием сего подвига, дабы единый был пастьер и едино было стадо»³⁵.

Вопрос объединения Церквей

Петр I в личном плане отличался широкой веротерпимостью, но в данном случае речь шла о судьбах Православия. Поэтому он не мог взять на себя ответственность единовластного решения и, как сообщается в хронике

³¹ Там же. С. 232.

³² Там же.

³³ Там же. С. 233.

³⁴ *Ришелье де, герцог*. Пребывание Петра Великого в Париже // Телескоп. 1831. Ч. 2. № 5. С. 20.

³⁵ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1841. № 5. С. 407.

пребывания Петра I в Париже, ответил Бурсье и другим сорбоннским богословам, «что сие дело не малое, и учинить скоро того невозможно; к тому же Его Величество больше обращается в делах воинских. А ежели они того подлинно желают, чтобы о том писали к российским архиереям, ибо сие дело важное и требует на то духовного собрания; при этом изволил обещать им по своей от Бога дарованной власти повелеть русским архиереям, ежели те учителя будут писать к ним, на то ответственать»³⁶.

Сохранились сведения о некоторых препятствиях к достижению церковного единства, которые перечислил Петр I в диалоге с Бурсье. «Это соединение — вещь не легкая, — отвечал Петр, — три обстоятельства мешают тому: папа [примат папской власти], происхождение Святого Духа [проблема Филиокве] и... третий пункт он забыл, и Бурсье подсказал — опресноки и вино для св. Таинства причащения [причастие под двумя видами]»³⁷.

Присутствовавшие при этом диалоге французские богословы стали утверждать, что Православная Церковь и после соединения с Римско-Католической Церковью может не принимать практику употребления опресноков для совершения Евхаристии, что спор об исхождении Святого Духа от Отца и Сына — это ни что иное, как спор о терминах, и что, признав власть римского папы, Россия может ничего не менять в церковном управлении и придерживаться тех же принципов, которым следует Галликанская Церковь.

Предложив проект «О соединении Церквей», сорбоннские богословы проявили собственную инициативу и отнюдь не согласовали свои действия с папой римским. О причинах такой «автономии» упоминается в записках А.А. Матвеева. Русский посол повествует о Коллегии богословов во главе с архиепископом Парижским и отмечает, что это «собрание во времена вражды, бывшей у короля, ныне государствующаго Людовика XIV-го, с папою римским, предприяв советы с тем сорбонским собранием, намерение взяло с действительными расположении королю папиной отлучиться власти и церкви французской избрать самовластнаго особно себе патриарха без повиновения всякаго впредь папе»³⁸. А.А. Матвеев имел в виду борьбу Людовика XIV с Римской курией о праве назначения епископов на вакантные места и заявление французского духовенства «Объяснения галликанского клира о

³⁶ Журнал или Поденная записка блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Ч. 2. СПб., 1772. С. 411.

³⁷ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. С. 40.

³⁸ Русский дипломат во Франции... С. 213.

церковной власти», подписанное 35 епископами и 37 церковными деятелями, в том числе и представителями Сорбонны.

Поскольку Петр I не отверг предложения сорбоннских богословов и просил их составить по этому вопросу письменный документ, они под руководством Бурсье успели сделать это до отъезда русского царя из Франции. В поданой Петру I записке приводятся свидетельства Священного Писания и высказывания святых отцов Церкви о необходимости церковного единства, затем следует изложение тех догматов, которые принимаются как Православной, так и Римско-Католической Церковью, и лишь в конце упоминается о тех препятствиях, которые лежат на пути к достижению вероисповедного единства³⁹.

Из догматических различий было рассмотрено подробно только одно: об исхождении Святого Духа, причем был сделан вывод о том, что различие коренится только в словах и что православные богословы отнюдь не обязаны добавлять «Филиокве» в текст Символа веры. Что касается учения о примате власти папы Римского, то сорбоннские богословы в этом вопросе проявили еще большую уступчивость. Они признавали за папой те же права, что и за всеми епископами, с первенством среди них, как преемником св. апостола Петра, но отрицали его непогрешимость (безошибочность в суждениях) и доказывали, что Русская Церковь не обязана будет подчиняться разным «составленным в Риме привилегиям», которые не признаются и многими католиками. «Таковы наши понятия о папе, — добавляли они, — и хотя они не разделяются ультрамонтанистами, но это не мешает нам оставаться католиками»⁴⁰.

Петр I принял этот документ и обещал передать его русским богословам для дальнейшего изучения и составления ответа. При всей своей широте подхода к инославию Петр I был верующим Православной Церкви, и незадолго до отъезда из Франции, 20 июня, «в вечеру, в шесть часов, он был в церкви своей [православной] у всенощной, на праздник сошествия Святого Духа, и сам пел с прочими, в свите своей находящимися россиянами»⁴¹, а 21 июня здесь же он молился на Литургии.

Перед отъездом из Франции Петр «оставил в Париже уполномоченными барона Шафирова, Петра Толстого и князя Долгорукова»⁴². 9/20 июня

³⁹ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1867. С. 168.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Журнал ежедневный... С. 411.

⁴² Пушкин А.С. История Петра. С. 234.

Петр выехал из Парижа и направился «на воды» в Спа, небольшой городок близ Льежа (ныне — Бельгия).

Помимо Парижа он побывал еще в нескольких городах Франции, в частности — в Реймсе, в древнем соборе которого ему показали старинный Требник, использовавшийся в течение многих столетий при коронации французских королей. Священники объяснили царю, что эта древняя книга написана таинственными, никому не понятными письменами. Каково же было удивление Петра, когда он обнаружил, что этот Требник принадлежал некогда дочери Ярослава Мудрого Анне Русской, выданной в 1051 г. замуж за короля Генриха I. Не меньшее изумление пережили священнослужители Реймского собора, когда их августейший гость свободно начал читать Требник, написанный на церковнославянском языке⁴³.

Отдыхая от государственных дел, Петр I среди прочих занятий предавался там и богословским размышлениям. Об этом упоминается в очерке, посвященном пребыванию русского царя в Льежском епископстве: «Важнейшим делом, которым занимался Петр, живя в Спа, был вопрос о соединении Церквей Восточной и Западной. В бытность его в Париже ученые представители Сорбонны предложили ему устроить такое соединение»⁴⁴.

Следует отметить, что еще во время пребывания Петра I в Париже обсуждался вопрос о его избрании в члены Французской академии наук. Вот что сообщалось по этому поводу в «Отечественных записках» (1821 г.): Петр I «присутствовал неоднократно в заседаниях Академии наук и, узнав обстоятельно состав оной и цель, изъявил свое соизволение быть ее членом»⁴⁵. Просьба царя была уважена, но это состоялось уже после отъезда Петра в Россию. Зимой 1717/18 гг. «получены были Его Величеством два письма: от президента Академии, аббата Биньона, и секретаря оной, Фонтенеля»⁴⁶.

Принимая Петра I в члены Французской академии наук, сорбонские богословы надеялись на благоприятный исход дела по соединению Церквей. Получив извещение о членстве во Французской академии наук, Петр послал

⁴³ Черкасов П. Петр Великий... М., 1937. С. 17.

⁴⁴ К.Н.В. Пребывание в Спа русских государей // Исторический вестник. 1884. Июнь. С. 641.

⁴⁵ Избрание Петра Великого в члены Французской Академии наук // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 9–11. С. 179.

⁴⁶ Текст письма Биньона от 24 декабря 1717 г.: Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 9–11. С. 180–183; Текст письма Фонтенеля от 17 января 1718 г.: Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 9–11. С. 184–186.

ответ в Париж с библиотекарем Шумахером⁴⁷, но, однако, на отношение к проекту сорбоннских богословов это никакого влияния не оказало.

Ответ на сорбоннский проект

10 октября 1717 г. Петр I прибыл в Санкт-Петербург и вскоре передал записку сорбоннских богословов видным русским архиереям для изучения. Как отмечалось в документах того времени, «прислана записка о средствах соединения Церкви Великой России с Церковью Римской, писана на латинском языке, в Сорбонне. Канцлером Парижского университета Либургом засвидетельствован французский перевод сей записки (на 16 листах) в заверение, что бумага о соединении Церквей точно подписана лицами, коих имена под нею означены. Петр отклонил от себя ответ Сорбонне, предоставив записку соображению Св. Синода»⁴⁸.

Инициатива, проявленная сорбоннскими богословами, разделялась далеко не всеми католиками. Вот что писал, например, по этому поводу де Лави, французский представитель в Санкт-Петербурге, в своем донесении во Францию: «Иезуиты, имеющие здесь [в Петербурге] школу и церковь, высказывали в присутствии нескольких лиц, до какой степени они недовольны поездкой царя во Францию в такое время, когда дух народа [французского], по-видимому, враждебен папе, вследствие чего они опасаются, что его царское величество, намеривавший присоединиться к Римской Церкви, переменит мнение, особенно если заметит нерасположение двора к папскому престолу»⁴⁹.

Но, несмотря на все эти обстоятельства, письмо сорбоннских богословов стало предметом богословского изучения, и в ответ на него в 1718 г. было составлено послание в двух различных редакциях: одно — Стефаном Яворским, другое — Феофаном Прокоповичем. Суть обоих документов была одинакова и сводилась к тому, что русские епископы не считают себя в праве решать вопрос о соединении Церквей без участия представителей других Православных Церквей и без ведома четырех православных восточных патриархов.

Будучи православными архиереями, Стефан Яворский и Феофан Прокопович в то же время были представителями двух противоположных направлений, бытовавших в то время в русской богословской мысли. Стефан

⁴⁷Текст ответного письма Петра I: Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 9–11. С. 186–189.

⁴⁸Обозрение известий о России в век Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения. 1843. Ч. 37. С. 147.

⁴⁹Из донесения де Лави французскому министерству от 27 мая 1717 г. из Санкт-Петербурга // Сборник Императорского русского исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 216.

Яворский с большей симпатией относился к католичеству, нежели Феофан Прокопович, который был более расположен в отношении протестантизма. И хотя оба проекта ответного письма содержали благодарность сорбоннским богословам за проявленную ими инициативу, в документе, составленном Феофаном Прокоповичем, это было выражено более сдержанно.

«Приняли мы тое [письмо], — писал Феофан Прокопович, — с великой радостью не для того, чтобы в нем новое нечто любопытное усмотреть (понеже что либо в той контroversии важное есть, не тайно есть богословцам), но что достохвальное ваше желание, о яковом из повести самодержца нашего разуметь мощно было, желали мы и в писании вашем прочесть и, аки бы очима, увидеть... А что вы от Апостола о единстве веры и о противных оному вредах, раздорах и ересях предложили, в том всегдашнее наше есть и учение и желание: сия и вам, и нам и всем (аще не притворный вид являют) общая суть. Прочее, как бы долговременный сей раздор церковный уврачевать, хотя и не так трудное дело, то есть яковое показали мимошедшие веки от времени наипаче Иннокентия III папы, даже до наших лет, однако и не так скоро и удобно статься то может, как вы может быть думаете, яко же от писания вашего догадуемся»⁵⁰.

Проект ответа, составленного Феофаном Прокоповичем, понравился Петру I больше, и именно этот документ был отправлен в Париж. Это послание было подписано Стефаном Яворским, митрополитом Рязанским и Муромским, Варнавой, епископом Холмогорским и Важским, и Феофаном Прокоповичем, архиепископом Псковским и Изборским. Ответ сорбоннским богословам был отправлен 15 июня 1718 г.⁵¹

Следует отметить, что Феофан Прокопович, не довольствуясь ответом, составленным в самой общей форме, предпринял и другие шаги для нейтрализации инициативы сорбоннских богословов. Он направил копию их письма иенскому профессору Буддею⁵² с просьбой со своей стороны высказаться по этому вопросу. Буддей написал резкий критический отзыв на предложение о соединении Восточной и Западной Церквей; в своем трактате он стремился доказать невозможность соединения Русской Православной Церкви с Римско-Католической. Это сочинение появилось в печати в 1719 г. сначала на латыни, а затем на немецком языке. Феофан Прокопович был до-

⁵⁰Цит. по: *Пекарский П.* Наука и литература в России... С. 41.

⁵¹См.: Там же. С. 41.

⁵²Иоганн Франц Буддей (1667–1729), профессор богословия в Иене, дал научное обоснование лютеранской догматике.

волен сочинением Буддея и даже хотел перевести его на русский язык и поднести Петру I⁵³.

Что же касается сорбоннских богословов, то после получения ответа из Петербурга они пришли к выводу, что совместной деятельности по соединению Церквей в ближайшем будущем не предвидится. Кроме того, до них дошли сведения о наличии другой редакции ответа, составленной Стефаном Яворским в более примирительном духе, и они решили, что ей не дал хода Феофан Прокопович. Пытаясь понять мотивы, побудившие Феофана Прокоповича занять такую позицию, они высказали предположение, что тот не желал соединения Церквей, поскольку после упразднения в России патриаршества он фактически стоял во главе Русской Православной Церкви.

Но такое предположение было необоснованным, так как Феофан Прокопович (1681–1736) был гораздо моложе Стефана Яворского (1658–1722). Кроме того, именно Стефан Яворский в 1721 г. был назначен главой Святейшего Синода.

Несмотря на неудачу, сорбоннские богословы продолжали предпринимать шаги к сближению с Русской Православной Церковью. Как отмечалось в русской печати, «убедившись в неудаче своего плана, доктора [Сорбонны] пригласили еще раз на свидание князя Василия Долгорукого, которого царь оставил в Париже. Беседа их продолжалась три часа, Долгоруков сказал между прочим, что лучше всего было бы устроить в Петербурге собеседования католических и православных богословов, и на прощанье обещал приехать в Сорбонну еще раз, чтобы обсудить этот вопрос»⁵⁴. Но князь Василий Долгорукий в Париж больше не возвращался, и диалог по этой причине был приостановлен.

Причины неудачи сорбоннского проекта

Богословские позиции наиболее влиятельных иерархов Русской Православной Церкви — Стефана Яворского и Феофана Прокоповича в ходе диалога с сорбоннскими богословами прояснились вполне достаточно. Что же касается отношения к этому вопросу самого Петра I, то при всей своей веротерпимости он не мог пойти навстречу католическим богословам, и на это у него были свои собственные причины. После смерти патриарха Адриана († 1700 г.) царь медлил с избранием нового первосвященника, не желая

⁵³ Феофан Прокопович // Русский биографический словарь. Т. 25. СПб., 1913. С. 429.

⁵⁴ В.Т. Сношения России с папским престолом в исходе XVII и в первой половине XVIII века (по исследованиям П.О. Пирлинга) // Русская старина. 1908. Т. 136. Ноябрь. С. 380.

усиления духовной власти Русской Православной Церкви за счет своей собственной. Один из французских посланников сообщал из России по этому поводу следующее: «Царь со времени смерти последнего патриарха, вследствие обширной власти, соединенной с этим саном, не назначил ему еще преемника, и представляет управление Русской Церковью одному из главных духовных лиц в качестве вице-патриарха»⁵⁵.

Размышляя о причинах неприятия Петром I идеи сближения с Римско-Католической Церковью, А. С. Пушкин ссылается на мнение историка Ив.Ив. Голикова (1735–1801), автора 12-томного труда под названием «Деяния Петра Великого», изданного в 1788–1789 гг. Штудирюя это сочинение, Пушкин сделал такую запись: «Голиков, вкратце предлагая мнение Сорбоннской академии и возражение наших феологов, замечает, что мнение о первенстве папы, что и есть католическая мысль, сильно не покровительствует Петру, который и установил шутовской праздник, в коем осмеивал папу вместо прежнего патриарха»⁵⁶.

О причинах, по которым предложение сорбонских богословов было в конце концов отвергнуто, подробно пишет Ф.Х. Вебер — брауншвейгский президент, долгое время живший в Санкт-Петербурге; его перу принадлежит сочинение под названием «Записки о Петре Великом и об его преобразованиях»⁵⁷. Будучи иностранцем, он был более свободен в оценке внутренних дел России, и, хотя он излагает свои собственные соображения с протестантских позиций, в целом его отзыв довольно объективен и заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью. Сообщив о проекте сорбонских богословов по соединению Церквей, Вебер пишет далее:

«Кто имеет сведения об этих обеих религиях и кто в особенности знает правила ныне правящего царя, тот легко поймет невозможность этого предложения. Царю необходимо то, чтобы пребывающее в темном невежестве его духовенство само приобретало надлежащие познания, внушало их, вместе со страхом Божиим, своим слушателям и вразумило бы этих последних в необходимости повиновения Богу и своему государю; ото всех же споров и прений ему нужно, чтобы духовенство его воздерживалось и стремилось бы по возможности соединять в себе только простую веру со святой жизнью.

Введение римо-католической веры было бы семенем вечных споров и непременно нарушило бы церковный и светский мир, невозмутимо держа-

⁵⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 30.

⁵⁶ Пушкин А. С. История Петра. С. 247.

⁵⁷ Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. №№ 6–9.

щийся до сих пор в России, а вследствие сего, без сомнения, подвергло бы опасности и то прочное положение, в которое царь поставил себя по отношению к русскому духовенству и к верному стороннику этого духовенства, сельскому сословию.

Еще менее можно было бы предположить, что с католической верой внедрится в Россию больше знаний, так как в настоящее время царь, и без того, частью распространил уже их своими достохвальными учреждениями, частью же продолжает дальнейшее их распространение призывом многих ученых людей со всего света, и посылкою своих кандидатов в иностранные университеты. Таким образом, вследствие обучения своих подданных и вследствие ограничения в России авторитета патриарха, а еще более вследствие теперешнего устройства русской армии, значение духовной власти подвергнется еще большей зависимости, которой никогда не потерпит ни папа, ни какой духовный совет и вообще духовенство, в приобретенных уже ими правах по делам вер.

О таких важных пунктах, как, например, о браке священников, свято соблюдаемом в России, а равно и о других, в которых обе Церкви разнятся и нелегко могут придти к единению, говорить здесь ничего не стану; замечу только, что царь никогда и не помышлял о таком соединении Церквей, и поэтому все слухи и суждения об этом приказал объявить ложными и неосновательными»⁵⁸.

Другие инициативы по объединению Церквей

После смерти Петра I (1725 г.) сорбоннские богословы возобновили свои усилия по сближению Церквей. В 1728 г. в Россию приехал аббат Жюбе и предпринял негласные попытки склонить некоторых представителей Русской Православной Церкви к возобновлению усилий по соединению Церквей. По его словам, некоторые видные деятели Русской Церкви, такие как Феофилакт Лопатинский и Афанасий Кондоиди, были согласны возобновить шаги в данном направлении. Но со вступлением на русский престол Анны Иоанновны (1739–1740) и при всевластии немца-лютеранина Бирона всякие перспективы на возобновление диалога были утрачены, а аббат Жюбе был выслан из России⁵⁹.

⁵⁸ Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 9. С. 1673–1675.

⁵⁹ Пекарский П. Петр Великий... С. 43. О деятельности аббата Жюбе в России см.: Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Третьяковские и янсенисты // Символ. 1990. № 23. Июнь. С. 105–245.

В эти годы активную миссионерскую деятельность в Санкт-Петербурге развил полномочный посланник в России Хакобо Ф.Д. Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Прямой потомок Марии Стюарт, он принадлежал к одному из самых знатных родов Европы. «Дюк Лирийский», как именовали его русские, стал первым представителем Испании при российском дворе, что было подчеркнуто в инструкции короля Филиппа V, врученной ему при отъезде в Россию: «Вы — первый посланник короны нашей при дворе, куда Вы назначаетесь»⁶⁰.

Таково начало королевского «наказа», в котором предписывалось по приезду в Россию проявлять благоразумие в делах веры: «Такая осторожность уже сама по себе нужна для Вашей службы и для исполнения возложенных на Вас обязанностей, но она тем более важна при дворах, которые не исповедуют нашу святую религию [католичество] и где поступки, дела и суждения католиков служат предметом внимания и обсуждения»⁶¹.

Этот документ относится к 1727 г., а два года спустя герцог Лирийский уже активно участвовал в миссионерской деятельности. Дело в том, что уже после открытия «окна в Европу» Петром I ходили упорные слухи о возможном объединении двух Церквей: Православной и Римско-Католической. Одним из инициаторов подобного проекта и был герцог Лирийский, осуществлявший переписку по этому поводу с австрийской императрицей и другими доверенными лицами⁶².

Герцог Лирийский скептически относился к слухам по поводу симпатий Петра I к Римско-Католической Церкви. Вот ход рассуждений испанского посланника: «Я не разделяю мнения о том, что царь Петр I намеревался осуществить, либо содействовать осуществлению такого объединения. Его царское величество в большей степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии и в необходимости учреждения которого он неизменно убеждал российский Синод. Помимо прочего, его гордость не позволяла ему смириться с главенством папы, и он неизменно стремился стать главою Церкви, подобно английскому королю. Об этом в значительной степени свидетельствует принижение им достоинства патриарха, полномочия которого по управлению церковными делами он сократил, создав суд под названием Синод, подчиненный е<го> ц<арскому> в<еличест>ву, каждый член

⁶⁰Инструкции Филиппа V полномочному посланнику Испании в России Хакобо Ф.Д. Стюарту, герцогу де Лириа-и-Херика, от 11/22 января 1727 г. // Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 116.

⁶¹Там же. С. 116–117.

⁶²Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии Хосе де Вьяне-и-Эгилусу. Москва, 29 апреля 1729 г. // Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 135.

которого, прежде чем приступить к осуществлению своих обязанностей, приносит клятву, в которой он признает «царское» величество главой Синода»⁶³.

Одним из противников объединения Православной и Римско-Католической Церквей в те годы был Феофан Прокопович — известный проповедник и государственный деятель петровской эпохи. Родился он в 1681 г. в Киеве, образование получил в Киево-Могилянской академии, потом уехал в Рим, где слушал лекции в иезуитской коллегии св. Афанасия, там принял католичество, но в 1704 г., возвратившись в Киев, снова обратился в православие. Благодаря своим способностям он вскоре сделался известным Петру I, который приблизил его и воспользовался его способностями для своих государственных реформ⁶⁴.

С 1725 г. Феофан Прокопович был архиепископом Новгородским, но фактически в его ведении находилась церковная жизнь российской столицы. Именно в лице Феофана Прокоповича герцог Лирийский видел главное препятствие на пути объединения Церквей. «Сегодня, когда во главе Синода стоит митрополит архиепископ Новгородский, об объединении, на мой взгляд, не может быть и речи, — писал герцог Лирийский. — Этот человек, проявляющий большую склонность к лютеранству, смелый и образованный, враг католической религии, хотя и учился на протяжении многих лет в Риме, имеет почти неограниченное влияние на русский клир. Он пользовался неограниченным влиянием Петра I»⁶⁵.

В своей миссионерской деятельности герцог Лирийский опирался на ближайшего помощника — о. Бернардо де Риберу, который находился в Петербурге в качестве капеллана. «Он — монах-доминиканец, доктор богословия и проповедник, человек истинно глубоких познаний, — так отзывался об о. Бернардо герцог Лирийский. — Религиозное рвение побудило этого достопочтенного монаха со времени приезда сюда обратиться к написанию на прекрасном латинском языке трактата о русском православии с целью доказать (и это ему удалось), что Католическая Церковь и те, кто с ней связан, представляют собой подлинную Христову Церковь; и что папа является, согласно установлениям нашего Спасителя, Ее верховным Первосвященником, призванным быть главенствующим представителем всей Церкви; и наконец, что во всем, что их отличает от нас, они вступают в явное противо-

⁶³ Там же. С. 133.

⁶⁴ Феофан (Прокопович) // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., 1913. Стлб. 2417.

⁶⁵ Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии... С. 133.

речие с положениями Евангелия и решениями самих Вселенских Соборов, которых они придерживаются»⁶⁶.

В 1729 г. о. Рибера был представлен архиепископу Феофану Прокоповичу, а вскоре направил ему свой богословский трактат, приложив к нему сопроводительное письмо. Как сообщает далее герцог Лирийский, о. Рибера «обратился с просьбой к Его Преосвященству, чтобы тот любезно согласился ответить на затронутые им вопросы»⁶⁷. Но владыка Феофан избегал богословских споров с католиками и, как пишет герцог Лирийский, «несмотря на все усилия святого отца Риберы, ответа он не получил: митрополит отделяется обещаниями и не желает обсуждать вопросы по существу»⁶⁸.

Но герцог Лирийский считал, что среди иерархов Русской Православной Церкви он мог бы найти сторонников унии. Правда, его оценка таких возможностей была преувеличена, о чем свидетельствуют, например, такие его рассуждения: «Разумеется, не все прелаты сходятся во мнении с митрополитом Новгородским, есть такие, кто проявляет симпатии к католической религии, есть и такие, в отношении которых существует подозрение, что они на самом деле являются католиками»⁶⁹.

Интересна оценка, которую дает испанский дипломат перспективам диалога русских и сорбонских богословов. Отметив, что покойный Петр I в свое время поручил Феофану Прокоповичу «подготовить ответ на письмо Сорбоннской богословской школы», герцог Лирийский продолжает: «Я не сомневаюсь в том, что те придворные, кто готовил записку, направленную Вам и мне, позаботились также о том, чтобы направить копии письма сорбонских теологов русским прелатам и знакомы с их ответом. Посему я не буду отправлять их Вашему превосходительству. Из ответа совершенно очевидно, что русские прелаты не намерены вдаваться в обсуждение вопроса об объединении. Это подтверждается со всей очевидностью тем, как составлено письмо, поскольку его содержание сводится к многочисленным хвалам в адрес Сорбоннской школы и тех, кто в нее входит, и завершается словами о том, что поскольку патриарший престол России вакантен, они не осмеливаются рассматривать никакие вопросы, не проконсультировавшись предварительно со своими иерархами, т.е. с патриархами Константинопольским, Антиохийским и Александрийским. Я располагаю также и другим, бо-

⁶⁶ Там же. С. 134.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

лее свежим доказательством того, что митрополит Новгородский избегает этой темы и не желает обсуждать вопросы, касающиеся религии»⁷⁰.

Архиепископ Феофан являлся для испанского посланника главным противником при осуществлении задуманных им планов, и, утратив чувство реальности, он готов был даже пойти на вмешательство в дела суверенного государства, которым была православная Россия. «Единственным способом приступить к переговорам об объединении Церквей, о которых идет речь, было бы прежде всего добиться удаления от дел митрополита [архиепископа Феофана] и поставить на его место во главе Синода прелата, способного рассуждать здраво, такого, с которым можно было бы спокойно вести переговоры, а таких при желании можно было бы найти немало»⁷¹, — таково первое «условие», выдвинутое испанским герцогом.

Всего таких пунктов в его плане был семь⁷², но прежде всего необходимо было воздействовать на Феофана Прокоповича. Ближайший помощник герцога, о. Рибера, приступил к этому столь рьяно, что в 1730 г. разногласия между испанским монахом и архиепископом Новгородским вылились в настоящий конфликт. О. Риберу обвинили в навязывании публичных споров с архиепископом Феофаном. В конце концов это привело к тому, что о. Рибера вынужден был покинуть Россию. В том же 1730 г. герцог де Лириа также отбыл из Санкт-Петербурга.

В те самые годы, когда герцог Лирийский пытался реализовать в Санкт-Петербурге «сорбоннский проект», в Париже подвизался будущий поэт В.К. Тредиаковский (1703–1768). На долю Василия Кирилловича Тредиаковского выпала яркая судьба, в которой были свои взлеты и — куда чаще — падения. Сын небогатого астраханского священника, он учился вначале у заезжих католических монахов; затем бежал из Астрахани в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию, через два года вновь бежал в Голландию, а оттуда в Париж, лишь с одной целью — учиться всему, что могла дать Европа русскому юноше, жадно стремившемуся к знаниям.

В столицу Франции он «пришел пешком»; первый русский пиит, по его словам, «был очарован Парижем». В Париже Тредиаковский слушал лекции в Сорбонне по математическим, философским и богословским наукам. В Россию Тредиаковский вернулся в 1730 г., а герцог Лирийский в том же году покинул Петербург...

⁷⁰Там же. С. 133–134.

⁷¹Там же. С. 134.

⁷²Там же. С. 134–135.

Русско-французские связи успешно развивались во второй половине XVIII в. В 1756 г. императрица Елизавета послала в столицу Франции «знатное посольство»: Бестужева-Рюмина, Шувалова, Муравьева, Стрекалова, Долгоруковых, Хитрово, Демидовых, Остермана и Салтыкова. В 1777–78 гг. посетил Париж автор «Бригадира» и «Недоросля» Дмитрий Иванович Фонвизин (1745–92).

В 1790 г. в Париже побывал Николай Михайлович Карамзин (1766–1828); он застал еще «прежнюю Сорбонну», хотя в 1789 г. Франция уже была охвачена революцией. В 1791 г. Сорбонна была закрыта, но, к счастью, ненадолго. В 1808 г. Наполеон вернул ей прежние свободы, университет из бывшей богословской школы превратился в центр светского образования. И, казалось бы, «проект сорбоннских богословов» за истекшие десятилетия должен был кануть в лету. Но на этом сорбоннская история не закончилась: она получила неожиданное продолжение в начале XIX столетия.

В мае 1810 г. император Наполеон через сенатора, графа Грегуара, бывшего епископа Блоаского, обратился с письмом к митрополиту Московскому Платону (Левшину), которое заканчивалось выражением надежды на воссоединение Восточной и Западной Церквей. «Вам известно, — писал Грегуар, — что когда царь Петр был в Париже, тогда учителя сорбоннские представили ему записку о соединении Церкви Греческой с Римской. Российские архиереи, находившиеся при Санкт-Петербургском дворе, сделали в следующем 1718 году ответ, который не привел к желанной цели: они хотели, по их словам, иметь совещание с греческими патриархами Восточной Церкви. Думать надобно, что совещание сие уже было, но во Францию не сообщены ответы греческих патриархов, а меня уверяли, что они находятся в архивах Св. Синода в Москве. Не почтите с моей стороны нескромностью, Ваше Высочество, просьбу о списке с оных»⁷³.

Митрополит Платон препроводил это послание на рассмотрение в Св. Синод через обер-прокурора князя А.Н. Голицына. Политическая ситуация, сложившаяся к этому времени на европейском континенте, не способствовала рассмотрению вероисповедальных вопросов, и поэтому ответное письмо митрополита Платона, направленное в 1811 г. графу Грегуару, было составлено в сдержанных тонах. «Я получил письмо, коим Вы меня почтили, сиятельный граф, вместе с приложенными к оному книгами, — писал митрополит Платон поверенному Наполеона. — Мне весьма было бы приятно ответить той доверенности, какую мне изъявляете, и на то лест-

⁷³ *Снегирев И.М.* Жизнь Московского митрополита Платона. 2-е изд. Ч. 2. М., 1891. С. 33.

ное мнение, какое мне посчастливилось Вам внушить. Но все поиски в архивах, для открытия требуемых Вами документов, остались тщетными; в них даже не найдено ни малейшего следа совещания восточных патриархов. С царствования Петра I деланные покушения [попытки] касательно сближения двух Церквей остаются безуспешными, потому что надобно убедиться, что подобная мысль совершенно противна духу народа русского. Это до сих пор не решено: народ наш столько привязан к своей вере, сколько проникнут обязанностью сохранять оную во всей целостности, что всякая в ней перемена может сделаться для русских оскорбительной и пагубной. Не мне теперь, среди недугов старости и при конце своего земного странствия, начинать дело, столь важное и великое; а мой удел приносить молитвы о мире Церкви и о благоденствии своего отечества»⁷⁴.

Военные действия, предпринятые вскоре Наполеоном против России, не дали обеим сторонам возможность продолжить поиски путей сближения. Проект сорбонских богословов был окончательно сдан в архив.

Приложение⁷⁵ Состояние сорбонских учителей

Состоит то собрание всей Сорбонны из 6 особ правительствующих докторов, или учителей. Последуют им еще два чина, по-французски названный лиценсиеры и бахелиеры. Лиценсиеры, то есть который возводятся к степени богословии под учителями начальствующими, из тех потом правление учительское принимают и в ректоры данных государства французского школ из них отсылаются.

Бахелиеры, то есть которая сперва имеют свое сходжение к степени богословия, содержат свой чин ниже лиценсиеров.

Всегда обще в том же училище учителя сорбонския наварскаго собрания с профессорами по вся дни с утра по полтора часа о всех составех богословии исповедание чинят, с обличением всех ересей от воплощения Сына Божия Господа нашего Иисуса Христа по сей век воставших, чрез доводы всесильныя богословии учения. Также и наварскаго собрания профессора 4 учат дважды с утра и по обед по 2 в тех собраниях.

Анцененарии и бахелиеры в тех салах имеют места по лавкам, зеленым сукном обитым, един по другом, кто по ком произведен есть в учение то, и всегда при учителях находятся в разговорах.

⁷⁴Там же. С. 33–34.

⁷⁵Текст приводится по изданию: Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1973. С. 212–213.

По том дни определенны обоим тем вышеписанным чином, в которыя от учителей о всей тайне богословии оне вопрошаются, и после того на кафедре нарочно в той полате собрания и учиненной при учителях правительствующих учат. Сие собрание некогда превосходит и не доходит в Сорбоне 60 особ всех.

Собрания сего должность есть яко синодального, всегда обще с архиепископом парижским и с надзирателем своим особым, с архиепископом реймским (которой муж зело учен есть, брат славнаго во Франции бывшего стацкаго министра и секретаря господина де Лувуа) и епископом миоским, начальником собрания наварскаго, о всех к вере надлежащих догматах по вся годы рассмотрение и исправление чинят.

В собрании том всей иждивением <...> и на прочих чинов в год определено из доходов, оставленных им от их ктитора кардинала Решелью, которым могут себя припитовать и одеждами довольствоваться чесно без всякой скудости, с привелегии на те дачи подтвержденными властью королевского. Но при том собрании не все пребывают, из них одне есть, которыя живут в Сорбоне, то называются сорбонскими, другия в особых местех, токмо по вся дни к назначенному времени сходятся туды, те именуются сообщники того учения, а не товарищи.

Докторы, или учителя, правительствующия собрания того ходят в платье камчатом черном долгом, якобы генеральный адвокаты, на плече с пришитым лоскутком горностаевым. Прочил все во время собрания своего и учения, как каноники, в белом платье, с опушкою кругом белья хребтоваго меху, а кроме того, в простом черном платье всегда, как священники католицкия.

В полатах их собрания, кроме некоторых живописных уборов, ничего достойнаго к видению не находится, разве внешняго стен здания, зело изряднаго по препорции. И тот дом замком сомкнут со всех сторон есть с разделением полат по чинам их.

Источники и литература

1. *Августин (Никитин), архим.* Из истории русско-французских церковных связей // Символ. 1989. № 21.
2. *В.Т.* Сношения России с папским престолом в исходе 17 и в первой половине 18 века (по исследованиям П.О. Пирлинга) // Русская старина. 1908. Т. 136. Ноябрь.

3. Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. №6–9.
4. Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1841. № 5.
5. Журнал или Поденная записка блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Ч. 2. СПб., 1772.
6. Избрание Петра Великого в члены Французской Академии наук // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 9–11.
7. К.Н.В. Пребывание в Спа русских государей // Исторический вестник. 1884. Июнь.
8. Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980.
9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника: Париж, май 1790 г. Л., 1984.
10. Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII в. // Вопросы философии и психологии. 1897. Сентябрь–октябрь.
11. Максим Грек, прп. Сочинения. Ч. 3. Казань, 1862.
12. Обзорение известий о России в век Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения. 1843. Ч. 37.
13. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
14. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., 1913.
15. Пушкин А.С. История Петра // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837–1937. Т. X. М., 1938.
16. Ришелье де, герцог. Пребывание Петра Великого в Париже // Телескоп. 1831. Ч. 2. № 5.
17. Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1973.
18. Русский биографический словарь. Т. 25. СПб., 1913.
19. Россия и Испания. Т. I. М., 1991.
20. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 34. СПб., 1881.

21. *Снегирев И.М.* Жизнь Московского митрополита Платона. 2-е изд. М., 1891. Ч. 2.
22. Статейный список посольства стольника и наместника Боровского, Петра Ивановича Потемкина во Францию, в 1715 (1667) году // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. 4. М., 1788.
23. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. I. СПб., 1867.
24. *Успенский Б.А., Шишкин А.Б.* Третьяковские и янсенисты // Символ. 1990. № 23. Июнь.
25. *Черкасов П.* Петр Великий во Франции (май – июнь 1717 г.) // Русская мысль. 1–7. 05. 1997. № 4172.